

Глава X. Восстание в Альт Люобрегат

В то время как социальное положение с каждым днём ухудшалось, депутаты и министры на бесконечных заседаниях парламента работали над созданием новой конституции в рамках Второй Республики.

Обсуждение статьи 26 — относительно отделения церкви от государства и ограничения церковного участия в общественной жизни страны — раскололо политическое единство правительства. Наконец, 13 октября 178 голосами была принята указанная статья; 59 высказались против; радикал-социалисты воздержались, аргументируя тем, что содержание этого пункта было слишком мягким. Мигель Маура и Алькала Самора сочли, что был нарушен дух «Сан-Себастьянского пакта», и заявили о своём выходе из правительственного кабинета. Выходившие в отставку объявили, что их решение окончательно и бесповоротно. Социалисты и республиканцы преодолели кризис, формируя новое правительство, без представителей правых сил. Мануэль Асанья остался на посту министра обороны и также заместил Алькала Самору в должности премьер-министра. Сантьяго Касарес Кирога заменил Мауру в Министерстве внутренних дел. В результате такой реорганизации, в рамках которой начальником Морского флота стал ещё один деятель из партии Асаньи, по имени Хосе Хираль, образовалось правительство республиканского профиля, из одних только социалистов. Оно могло управлять страной без помех со стороны крупной буржуазии и церкви.

При таких обстоятельствах ничто не препятствовало правительству претворять в жизнь более гибкую политику, находя решения срочных проблем: рабочей забастовки и аграрной реформы. По крайней мере, народ ожидал именно этого. Однако вновь республиканские правители не оправдали надежд рабочего класса и крестьянства. Вместо того чтобы заняться решением насущных вопросов, кабинет министров ещё более осложнил общественное положение, приняв 20 октября Закон о защите республики. Что касалось государственных функций, то этот закон значительно укрепил авторитет Министерства внутренних дел, что даже Мигель Маура со своего депутатского кресла воскликнул: «Вот как приятно быть министром внутренних дел!»

9 декабря 1931 года парламент (Кортес) принял самое неуместное решение, которое только можно представить: 362 голосами «за» Алькала Самора был избран президентом Республики. И вот Алькала Самора, подавший в отставку ввиду своего несогласия со статьёй 26, возвёл противоречие до самой высокой степени, соглашаясь стать верным защитником упомянутой Конституции.

11 декабря президент Республики торжественно поклялся перед парламентом в верности своему посту. Этот день был объявлен национальным праздником, что откровенно противоречило положению в стране: в Сарагосе — всеобщая забастовка; в шахтёрской области Астурии рабочее недовольство выросло до таких размеров, что бастующие занимали фабрики; Гражданская гвардия изгоняла рабочих, и не всегда мирным путём: так, именно в тот день в Хихоне один человек был убит и 11 ранены выстрелами. 31 декабря в Кастильбланко, небольшом сельском посёлке провинции Бадахос, уже несколько недель бастовали крестьяне. Касарес Кирога приказал Гражданской гвардии навести порядок в этой местности. Вход в деревню Гражданской гвардии потряс жителей, и, решив, что лучшей защитой будет нападение, они окружили здание небольшого гвардейского участка и покончили с гвардейцами. Ответ Заслуженной (Гвардии) последовал незамедлительно, и в посёлках Альмарача, Хереса, Кальсада де Калатрава, Пуэртольяно и Арнедо вспыхнули репрессии; только в последней деревне при разгоне крестьянской демонстрации, требовавшей хлеба и работы, были убиты шесть человек и ранены 30. Газета *Tierra y Libertad*, орган ФАИ, огромными буквами напечатала заголовок: «Гражданская гвардия похитила Испанию» и поместила фотографии, освещающие события.

В Каталонии дела обстояли ещё хуже. В долине Альт Льобрегат и Кардонер после событий июня 1931 года резко ухудшилось положение рабочих, добывающих калий. Компания принадлежала англичанам, и те обращались с шахтёрами, как колонисты. Гражданская гвардия по приказу хозяев арестовывала наиболее строптивых. Здания профсоюзов занимались гвардейцами. Запрещалась продажа рабочих газет, и прямо на улицах по любому поводу задерживались рабочие. Трудящиеся, в основном эмигранты шахтёрской зоны в Картахене, были на грани: одни выказывали желание вернуться в родные места, а другие — броситься в волны насилия. Активисты НКТ и анархисты собрались, чтобы обсудить, как организовать недовольство рабочего люда и направить его в русло пролетарского самоутверждения, поднимая дух сопротивления рабочих и укрепляя их сознание и революционные навыки. Идея восстания и провозглашения либертарного коммунизма росла с каждым днём. На этой встрече НКТ и анархистов должна была также состояться пропагандистская кампания как средство подготовки сознания для совершения намечаемого проекта. Висенте Перес («Комбина»), Артуро Парера и Буэнавентура Дуррути начали пропагандистские действия в первых числах 1932 года. На митинге в Салленте речь Дуррути носила взрывоопасный характер:

“ «Он сказал рабочим, что необходимо возобновить революцию, которую республиканцы и социалисты оставили в состоянии неопределённости, что буржуазная демократия потерпела поражение, а полное освобождение рабочего класса возможно только после экспроприации общественного богатства, присвоенного буржуазией, и отмены государственных структур. Посоветовал шахтёрам Фигольса подготовиться к финальной битве и показал им, как делать самодельные бомбы из жестянки и динамита»³⁷⁰.

Воинственный тон Дуррути соответствовал тематике момента. Фелипе Алаис из тюремного заключения в Барселоне в своих статьях, которые он посылал в газету, призывал к восстанию: «Прошло то время, когда мы шли в бой в этой стране, сжимая в руках авторучки.

Испания содрогается только от огромных газетных заголовков, но не способна адекватно реагировать на посягательства, происходящие в общественной жизни.

Прошло время теоретических протестов и организаций динамичных демонстраций. Всё необходимое уже давно сказано, и также известно то, что народ, терпящий оскорбления, их заслуживает.

Условности достигают таких трагических крайностей, как предположение, что в Испании зарождается диктатура, в то время как она, благодаря политическим инициативам социалистов и республиканцев, уже действует несколько недель, полная сил и без должного ей сопротивления. Что могут ожидать от социалистов те, кто в течение пятнадцати или двадцати лет заслуженно называл их изменниками? И что ждёт от них кучка простаков, поднимающих руки, объявляя «сейчас» банкротство демократии, всегда бывшей ядом, кнутом и намордником?

Никогда испанский народ не был таким покорным, как теперь, и никогда не терпел такие жестокие расправы. Не надо даже объяснять мораль всех этих событий; необходимо сказать, что если не произойдёт подлинной реакции на унижения (то есть жизни без самых элементарных свобод и не имея прав на саму жизнь), если покорность продолжит маскироваться в бессмысленные слова, которые, как листья, уносит ветер, вместо того чтобы храбро атаковать причину зла не в статьях и речах, то мы продолжим накапливать склады дыма, претендуя на место в списке мучеников, но уже не будем анархистами»³⁷¹.

Спустя несколько дней после митинга в Саллент весь шахтёрский район в Альт-Люобрегат и Кардонер был охвачен революционным движением, провозглашающим либертарный коммунизм (18 января 1932 года). Восстание достигло Манресы — туда вступили вооружённые рабочие с намерением занять посёлок и провозгласить отмену денег, частной собственности и государственных властей. Искра революции зародилась в Фигольсе, и Фигольс был последним, уступившим натиску армии. Посёлок в течение пяти дней жил под контролем революционеров, и всё это время — в рамках движения либертарного коммунизма. Корреспондент Tierra y Libertad, посланный на место событий, написал:

«В шахтёрском районе, где движение одержало победу, работают разные люди. Но это люди, всегда жившие под гнётом эксплуатации, и для подавления их требований — какими бы справедливыми они ни были — всегда использовался режим, отказывающий рабочим в праве на жизнь. Все революционеры, в основном синдикалисты, были вечными мятежниками, постоянно живущими в условиях несправедливости, хорошо знавшими шахту и тюрьму, морские суда и Гражданскую гвардию.

Казалось логичным, что, одержав победу и сочтя буржуазный режим окончательно разгромленным, они отомстят за долгие века угнетения; что, движимые ненавистью, они набросятся на представителей государства (гвардейцев, судей, священников, и др.) и разорвут их без капли жалости.

Но эти люди — существа благородные и идеалисты, — победив и провозгласив социальную революцию, не подумали о старых оскорблениях: они не пожелали кровопролития, даже не

позаботились о том, чтобы унижить тех, кто столько раз унизил их самих. Захватив оружие, они предотвратили нападение противника, поставили охрану, чтобы не быть захваченными врасплох, и, предоставив всем полную свободу, продолжили работать так же, как и перед событиями. Они ни на минуту не сомневались: победа революции не означает освобождение от тяжкого труда добычи угля из недр земли.

Именно так поступали анархисты — люди, преступившие границы законов, постоянно называемые убийцами, ворами и профессиональными злодеями. Во главе стояли командующие мятежом, революционеры, вдохновляющие всех своим примером, которые, по словам деятелей из области драматургии, парламента и даже самого правительства, типа Муньоса Секи, посвящают себя революционным движениям только лишь для удовлетворения самых низких appetитов и движимы неведомыми мотивами.

В Салленте, Сурье, Берге, Фигольсе и Кардоне революционеры контролировали ситуацию несколько дней. И нигде не произошли кражи, убийства, акты насилия. Ни один мертвец не засвидетельствовал бы жестокость со стороны вечно преследуемых, или кражу во имя обогащения, или насилия для удовлетворения низких appetитов.

Во всех посёлках наблюдается одно и то же действие. Рабочие оживлённо приветствуют победу социальной революции, занимают здания муниципалитетов, упраздняют деньги, покупают используя талоны-расписки. Но нигде нет места грабёжам или бесчинствам; ни в одной из деревень трудящиеся не думают, что успех революции должен освободить их от трудного рабочего дня...

Так действовали революционеры из Кардонера и Любрегата (...). И поэтому движение достигает своей полной реализации. Впервые либертарный коммунизм стал полной и живой реальностью. И везде щедрые, благородные и сердечные идеи утопического анархизма неистово сверкали наперекор ненависти, обидам и сражениям.

Произошедшее в этих населённых пунктах имеет столь огромное значение, так сильно повлияет на ход испанской революции, что в качестве социологического явления заслуживает глубокого и тщательного изучения со стороны наших учёных, правителей и политиков. Что касается рабочих, то они, без сомнения, вынесут ценные уроки из практических действий шахтёров из Саллента и Фигольса...»372.

Как же отреагировало правительство на этот бескровный рабочий мятеж? Мануэль Асанья, глава кабинета министров, выступил перед палатой депутатов и заявил, что речь идёт о революционном движении, нити которого вели за границу, и что необходимо срочно подавить его. Он запросил у палаты вотум доверия — та его предоставила.

Асанья отдал драконовские распоряжения генерал-капитану Каталонии: немедленно подавить народную инициативу. Войска вначале заняли посёлок Манреса, и затем, после трёх дней сражений, когда Фигольс сдался, шахтёрский регион усмирился.

Либертарная коммунистическая мечта просуществовала всего лишь одну неделю, и идеалисты — те, которые остались в живых, защищая революцию, — были брошены в тюремные застенки или депортированы на территорию Испанской Гвинеи.

Контрреволюция взяла своё, и Закон о защите Республики строго воплотился в жизнь. Губернаторы Барселоны, Валенсии, Севильи и Кадиса, согласно полученным приказам, произвели облавы в среде анархистов с целью задержать наиболее опасных профсоюзных активистов, пропагандистов и интеллектуалов НКТ и ФАИ.

Охота за людьми началась 20 января. На рассвете в Барселоне окружили и атаковали дома активистов. Одним из первых арестовали преподавателя Томаса Кано Руиса: «Брошенный в застенки Главного полицейского управления, без связи с внешним миром, скоро я понял, что речь идёт об облаве в стиле Мартинеса Анидо»³⁷³.

Карцеры заполнились подозрительными людьми; после должного и упрощённого отбора, одних направляли на морское судно, а других — в тюрьму.

Братьев Аскасо (Франсиско и Доминго) задержали 21 января, где-то в полдень, а ещё раньше утром арестовали Дуррути. Во второй половине дня 22-го числа все отобранные для целей депортации были направлены в порт, на корабль «Буэнос-Айрес» (собственность Трансатлантической компании), бесплатно предоставленный правительству.

Военно-морской корабль «Кáновас», пока шла посадка, привёл в боевую готовность свои орудия. Моряки на борту вели наблюдение за арестантами; в боевой позиции и держа ружья на прицеле, они в любой момент могли нажать на курок. На полу трюмов не было ни соломы, ни подстилок — ничего, что как-нибудь могло заменить матрас или одеяло. Находясь под постоянным надзором в самом трюме, единственное, что могли свободно сделать пленники, — это подышать свежим воздухом у световых колодцев судна. Скучная вода и пища, сам груз напоминали времена торговли рабами. Республика превратилась в эксплуататоров-рабовладельцев. К этим ужасным условиям добавился запрет на посещения, передачу продуктов или писем. Арестанты пробудут на корабле вплоть до 11 февраля, когда «Буэнос-Айрес», следуя правительственному приказу, поднимет якоря и последует в неизвестном направлении...

Версия #2

Зверобой создал 14 июля 2025 14:21:07

Зверобой обновил 15 августа 2025 12:52:48